

*Он бредет по бездорожью,
Звать его Иван-дурак.
На челе — отметка божья,
А на теле — божий знак.*

*Зимний ветер студит груди,
Рвёт поземка волоса.
А навстречу злые люди,
Злобой полные глаза.*

*—Что напялил эти тряпки,
Даже водкой не согрет?
Надо б дать ему по шапке...
У него и шапки нет...*

*Что ответишь?.. Злые взгляды,
Злая щерится зима.
Только жалости не надо,
Жалость — это, как чума.*

*Снег метет... Собака лает.
И с небес неясный гул.
Но дурак чего-то знает,
Что-то Бог ему шепнул.*

*И бредет по буеракам,
Вот уже который век,
Этот самый... С божьим зна́ком...
С божьим знаком человек...*

* * *

Время такое... Неясны сроки,
Ужасам нет конца.
Даже, когда небосвод высокий,
Не открывай лица.

Даже, когда золотые звуки
Плещутся у щеки...
Даже измученным от разлуки
Не подавай руки.

Всё позабудь... Пусть темно и немо
Ближний уйдёт во тьму.
Даже, когда он взлетает в небо,
Не прикоснись к нему.

Ну а минуты твои прервутся,
Замертво рухнешь ниц,
Ближние губ твоих не коснутся
И не откроют лиц.

* * *

Всё — поздно, всё — не так...
Все спутаны понятия.
Я в зеркало гляжу —
но нету там лица.
И Родину успел, и друга потерять я,
И чёрной полосе
не видится конца.
Ко мне не подходи —
дразнить меня не стоит.
Я загасил очаг, забыл отцовский дом.
Коснись меня перстом —
и волк вдали завоет...
Но, если я любим,
коснись меня перстом...

* * *

Ветер в окошко стучал то и дело.
Долго судьбе я протягивал руки,
Долго с деревьев листва не летела,
Долго судьбе не хотелось разлуки.

Долго рыдалось... И слышалось долго,
Как за деревьями мечется птица.
В тучах прорезалась узкая щёлка,
Месяц пролился на бледные лица...

Ворон поёжился... И задрожала
Влага на тронутых пеплом подкрыльях.
Было здесь белому белого мало,
Черное сделалось черною пылью...

Не понимая, что стало со мною,
Брёл я... И мучился, не понимая,
Что задышал мой отец под землёю,
Встал и побрёл, корневища ломая.

Так и бродили мы... Я — по дороге,
Он — под землёю с извечною тростью.
Еле держали разбитые ноги,
Жутко скрипели усталые кости.

Ну а потом прекратилось и это...
Брызнула с веток крикливая стая.
Скрипнули ставни... А после, с рассветом,
Враз облетела листва золотая.

* * *

В напрасном мире полусонном
Всё чудится, что вижу я,
Как над стремительным вагоном
Восходит звездная струя.

Чуть извивается... Искряще
Насквозь пронзает облака.
И крестит лоб ненастоящий
Ненастоящая рука...

Мне это чудится... Но светом
Едва колеблема в ночи,
Нисходит тень... Зачем об этом?..
Зачем об этом?.. Помолчи...

Ведь жизнь устроена зеркально —
То, что бесценно, то тщета...
Печален я... И ты печальна...
И между нами пустота.

Проходит всё... Сотрутся лица.
Но ослепит ночной порой
Тот свет, что истово дробится
В твоей слезинке золотой.

* * *

Там, на изломе крика и любви,
А может быть и жизни на изломе,
Меня своим ты больше не зови —
Тобою полон дом... И пусто в доме...

Тебе одной, печальнице моей,
До сей поры всё так же непонятно,
Чей это плач — в ночи, из-за дверей?..
Что за слова бормочутся невнятно?

Всё знает ночь... Одна сплошная ночь,
Что ослепила дух на две недели.
Которую не в силах превозмочь
Ни свет зари... Ни белый свет метели.

Она явилась, плечи мне вдавив
В пуховую раздумчивость подушки.
И сердце застучало — на разрыв,
И заструились медленные стружки...

Всё, как всегда — не бойся, не проси...
Но гложет чувство, зло и неминуче —
Чтоб вознестись туда, на небеси,
Вначале упади, сорвавшись с кручи.

* * *

Куда ни приедешь —
повсюду «великие» люди —
Повстанцы... Поэты... Легенды Отчизны своей.
Везде повторяют:
«Мы их никогда не забудем...
Они не смирились... И рушили гнет москалей...»
Глупцы-московиты...
Вы знанья несли, как Мессии,
Спасали от варваров сущность славянских племен...
Спасали Шевченко...
А он ненавидел Россию...
И против России Мицкевич собирал легион*
Ученый-историк вам разве что скажет на ушко,
До этого молзив:
«Костюшко — герой, генерал...»,
Что улица в Питере носит название Костюшко,
Наверно, за то, что он русских, где мог, убивал...
Прикрыла Московия
белым крылом исполинским
Славян от монголов, французов, едва не сгорев.
«Прощание с Родиной» ... Михал-Клеофас Огинский...
Великая музыка...
«Польска не згине, пся крэв!..»
Брожу по Москве...
Наблюдаю... Твержу без укору:
«Неужто, столица,
тебе и теперь невтерпёж
Собратьев спасти от беды в эту смутную пору,
Встречая лопатками
братьями всаженный нож?..»

* * *

Нам велел господарь
Не жалеть на противника порох.
Да и собственной крови
Велел не жалеть нам, как встарь.
И хрипело в груди,
Пот кипел в цепенеющих порах,
И махал нам рукой,
И смеялся во след господарь.

Мы кричали и шли,
Мы утробное что-то кричали.
И в кровавую жижу
Уже превращалась роса.

* Во время Крымской войны (1853-1856 гг.) будущий классик польской литературы Адам Мицкевич пытался сформировать отдельный еврейский легион, который должен был воевать против России на стороне Турции. Акция провалилась, поэт скончался от холеры в Константинополе в 1855 г.

Мы — живучей врага,
Мы — живучей отточенной стали...
Прикипали к шеломам
Вспотевшие враз волоса.

Эта жуткая сечь...
Скособоченных лиц пучеглазье...
Этот, насквозь пронзенный,
Роняющий кишки живот...
Не слышав про экстаз,
Мы метались в кровавом экстазе,
Меч вонзая в убитых —
А вдруг, лежа, поживет?

Каждый тихо молил —
Не по нем чтобы ладили тризну,
Каждый страстно хотел
Кровь врага, как вино, изолгать,
Перед смертью вдыхая
Серебряный воздух Отчизны,
Чтоб вражина не смел
Тот серебряный воздух вдыхать.

Отступала дружина,
Чтоб лишние силы не тратить.
Отступая, кричали любимым своим:
«Я вернусь...»
Враг врывался и жёг,
Местных девок спеша обрюхатить.
И в колодцах топил
Осиянную светлую Русь...

И родился народ...
Из Орды и не паханых пашен,
Из вражды и проклятий,
Из тысяч смертей в недород...
Мы им — головы с плеч,
Они женщин брюхатили наших,
Перемешаны крови ...
Но все же родился народ.

Как его разделить,
Хоть уже наплодилось умельцев,
Только ужасы помнить,
Не помня связующих вех?
Тут поди отличи
Поджигателей от погорельцев,
Коль одно пепелище,
Одно пепелище на всех...

БИЗОНЫ

И снова бизоны бегут по тропе,
Спеша и толкая друг друга.
Вновь будет затоптана в этой толпе
Больного бизона подруга.
Хотя он велел ей — беги поскорей,
Я — болен... Не думай об этом...
Но нету отчаянней, нету верней

Бизонки, не внявшей запретам.
Куда ей стремиться, зачем ей бежать,
Топча ослабевших собратьев,
Зачем ей вот эта коварная гладь,
Где камни летят — не собрать их;
Когда умирает оставленный ОН —
Вожак очумевшего стада?
Теперь он — поранивший ногу бизон,
А стаду такого не надо.
Он знает об этом — не раз он топтал
Друзей, заболевших в дороге.
И недруга мог зашибить наповал
Один, безо всякой подмоги.
Он скоро отстанет... Он будет убит
Другими, кто злей и быстрее.
Чего же бизонка вперед не бежит,
От бешеной гонки немея?
Ведь знает — много спасения нет
От мчащейся бешеной злости.
Отстанешь — догонят... И хрустнет хребет,
И хрустнут тяжелые кости.
Но взор, обращенный на тропку, тяжёл,
И нет в нем ни искры покоя,
А есть понимание — он бы ушел,
Когда б с ней случилось такое...
А может не так всё... Хотя испокон
Об этом нам ведомо мало.
И просто отстал заболевший бизон,
А следом бизонка отстала.

* * *

* * *

Нежно, тепло, соболино,
Светятся возле плеча
Русского слова лучина,
Русского духа свеча.

Узелок разматывай
Бездны на краю...
Каждый чтит Ахматову...
Каждый... Но свою...

Входят с рассветною ранью,
Так, что мгновений не жаль,
Русское это преданье,
Русских сказаний печаль.

Каждый Богу молится,
Каждому — свой Бог.
Что воздастся стóрицей,
Каждому — не в прок.

Прочих стремлений превыше
Жажда — на лавку присев,
Русскую песню услышать,
Русский щемящий напев.

Всё спешат прохожие —
Мимо и везде.
В радости похожие,
Разные — в беде.

Не добредя до постели,
Песни наслушавшись всласть,
Где-то средь русской метели,
В русских просторах пропасть...

Скоро дни весенние
Принесут сквозь даль,
Для кого — спасение,
Для кого — печаль.

Волочим сквозь полюшко,
Да к небытию,
Каждый свою долюшку...
Каждый... И свою...

* * *

Замкни свой слух... Утишь свой голос,
У ног Отечества присядь.
Увидь, как правда раскололась
На Бого-ложь и Бого-мать.
Пока, бессловен и безвластен,
Ты облачен в напрасный плащ —
К любой тоске деепричастен,
Любому долгу подлежащ:
Тебе воздастся полной мерой,
Когда, на истину похож,
Ты побредишь по стуже серой,
В чепце небесном побредишь.
И сбудется всего лишь Слово,
Когда ты вдруг посмеешь сметь
В момент раската грозового
Напрасной музыкой греметь.

* * *

Недоброй вестью огорошена,
Под сенью сохнувших ракии,
Стоит изба, не огорожена,
Трубой закопченной дымит.

А рядом нет ни пыльной улочки,
Ни малев цветущих, ни дымка.
Велосипед с погнутой втулочкой,
Ворот скрипучая тоска...

Лишь у колодца, тешась брызгами,
Черпнув ладонью из ведра,
Старуха в кофточке замызанной
В полубезумии мудра.

О чем она? О божьих правилах,
О том, что супчик не густой,
Что правнук шлёпанцы оставил ей —
Она в них ходит за водой.
Что солнце встало за скворешнею,
Что грязи в бочке — через край.
Что день промчит... И радость вешняя
Уйдет за старенький сарай.

Пройду... Кивнёт... На миг оглянется,
Вслед перекрестит: «В добрый путь!..»
И что-то горькое останется,
Чтоб после в памяти мелькнуть.

* * *

Неясные звуки... Вечерняя тихая лень.
Прозрачные руки над пологом мира воздень.

Пусть явится тихо, повиснув на тени надежд,
Забывтое лихо в сиянии белых одежд.

Пусть станет остылым мой вечно горячий лоб,
Трава станет илом, а песня споётся взахлёб.

Тяжёлые звёзды сплывут и погаснут вдали,
Сквозь розовый воздух мои уплывут корабли.

И будет тревога царить в целом мире... Одна...
Где ты, недоτροга, безмолвно стоишь у окна.

И белая кожа, слезой оросясь из-под вежд,
Сольётся, тревожа, с сиянием белых одежд.

Не станет разлуки... Не станет осина желтеть.
Неясные звуки... И ныне, и присно, и впродь...

В дому серостенном, где время пустилось в бега,
Где вечность — мгновенна... И только секунда — долга.

* * *

Увидеть свет в конце тоннеля,
Когда растаявшая мгла
Вдруг воротит и звон капели,
И свет из дальнего угла.
Польется — прежде осторожно! —
На стол, на тумбочку, на срез,
Где кольца всё ещё тревожны,
Где запах смолы не исчез.

Увидеть свет в конце тоннеля...
И вздрогнуть — наконец-то свет!
Понять, что стёкла запотели,
Что звук дыханием согрет.
Что отделяясь осторожно
От бесконечной темноты,
Другой явился свет — тревожный,
А с ним и тень твоя... И ты...

Увидеть свет в конце тоннеля,
Воспрянуть — кончился тоннель.
Увидеть чёрное на бёли
И белое на чёрном... Щель
Замазать густо... Взять собаку,
Бродить, не чувствую того,
Что мы опять летим ко мраку,
Летим, не помня ничего.

КАВКАЗСКИЕ ПОЭТЫ

Магомеду Ахмедову

То в солнечном, то в мрачном переводе
Твоих поэтов слышал я, Кавказ.
Утомлены, одеты не по моде,
Они вели о Родине рассказ.

Без ложных фраз, порою длинновато,
Порою потрясающе-маня,
Их строки обжигали... И куда-то
Вдруг уносили, пришлого, меня...

*Я их вдыхал... Я видел эти горы,
Я понимал гортанные слова.
Я шёл на бой... На смертный, на который
Зовёт нас совесть, а не голова.*

*И я кричал... Я тоже в пропасть падал,
Я умирал в бою при Ахульго,
Я был орлом, не клюнувшим на падаль,
И не страшился больше ничего.*

*Всего лишь строки, в мужество одеты,
Мне отпускали смертные грехи...
Я вас люблю, кавказские поэты,
И, может быть, не только за стихи.*

*За гордое уменье непокорно
Парить среди седеющих вершин,
За чистоты целительные зёрна,
За языка не треснувший кувшин...*

*Перевозжу... Стихи — подарок царский!
Их горький смысл стараюсь уберечь,
И вдруг вставляю слово по-аварски
В родную, Русью пахнущую, речь.*

** * **

*Ты — белая птица, я черная птица,
Нам вместе лишь плачется, но не летится.*

*Летаешь одна средь небесной печали,
А вместе мы в небе совсем не летали.*

*И мечется черная птица, и злится —
Ей жаждется с белою птицею взвиться*

*Туда, где, пронзая тяжелые тучи,
Она всё взвизгивает выше и круче.*

*Туда, где она, горделиво и немом,
Ласкает крылами запретное небо.
Им рядом нельзя появляться в просторе —
Где чёрное небо, там чёрное горе.*

*Пусть белая птица порхает высоко,
Не молвит ей чёрная: «Мне одиноко!..»*

*Лишь бьется на суше да слёзы глотает,
Но шепчет, что пусть хоть одна полетает.*

** * **

*Я в этот мир пришел в своё число,
Меня сюда случайно занесло.
Я не спешил сюда... Меня не звали.
Но копь явился, значит нужно жить,
Любить, страдать... И голову сложить,
И претерпеть все страсти и печали.*

*Я в этот мир, пусть трудно, но пришёл,
Я в этом мире женщину нашёл,
Которая меня не оттолкнула.
Я научился с нею говорить,
Любил её... Потом устал любить...
Оставлен ею средь мирского гула.*

*Потом другая женщина пришла,
Взяла за руку, взглядом обожгла
И от печалей многих охранила...
Но без печалей разве проживёшь?
И ложь пришла... За ней другая ложь.
А живо жить душе совсем не мило.*

*Жилище есть... А дом?.. А дома нет.
С утра встаёшь доламывать хребет.
А для чего? Какая в том потреба?
Когда давно ничем не веселя,
Почти чужою сделалась земля,
И мыслится про будущее небо...*

*Осталось слово?.. Слово — это звук.
Оно молчит в предчувствии разлук —
Мне так казалось, Боже, так казалось...
Но голос вдруг явился наяву,
Но голос зазвучал — и я живу,
И нечто есть превыше, чем усталость...*

** * **

*...А потом ты уйдешь на рассвете,
Поцелуи мои унося,
За разлуки земные в ответе,
Из прощания соткана вся.*

*Из прощания и всепрощенья,
Из дрожания чутких ресниц,
Из того золотого мгновенья,
Где лицо твое — в тысячах лиц! —*

*Почему-то пришло... И запало
В сердце, сея возвышенный свет.
И я вздрогнул светло и устало,
Точно зная про этот рассвет.*

*Точно зная про эту минуту,
Про желанья, безумные сплошь,
И про то, что уйдешь почему-то,
На рассвете тихонько уйдёшь.*

*И уже умоляя светило.
Несмотря на понятное: «Нет!»,
Чтоб с рассветом слегка погодило,
Задержало в то утро рассвет...*

* * *

Ты всё сказала поутру,
Ты всё сказала.
Слова порхали на ветру,
Их было мало.

Рука скользнула по руке —
Хоть напоследок.
И что-то меркло вдалеке
Меж чёрных веток.

Их было восемь или семь...
Паля невольно,
Они не ранили совсем,
Но было больно.

И что-то вспыхивало вновь,
Маня безлико.
И было тише, чем любовь,
Но громче крика.

От напряжения звеня
И от печали,
Они летели сквозь меня,
В груди кричали.

Ты уходила налегке,
Не верил в ложь я.
И серебрилась на листке
Слезинка божья.

И, виноватый без вины,
Всё шарил дверь я.
И что-то ныло — от спины
До подреберья.

Скрипело старое крыльцо,
Что всё пропало.
И лишь одно твоё лицо
Не угасало.

* * *

Всё просто... Всё можно попробовать снова.
Всего лишь цепляется слово за слово.

Всего лишь цепляются звуки за звуки,
Всего лишь к рукам простираются руки.

А после, мучению равновелика,
Певучая речь возникает из крика.

И слово летит через грозы и слякоть.
И плакать не стыдно, и стыдно не плакать...

Чтоб ниточка лопнула, нужно так мало —
Быть может, ты что-то неловко сказала?

А, может быть, я понимаю не вышел,
И просто не понял тебя, не дослышал?

Неловко ответил не лучшей из строчек,
А ты не дослышала, сжавшись в комочек...

Всё сложно... Всё сложно попробовать снова —
Звонком разбудить в половине второго.

И в трубку молчать, слыша только дыханье...
Речей всех речистее это молчанье.

И света светлей... И разлучней разлуки...
И только к рукам простираются руки...

* * *

Пусть я — частица мирозданья,
Небес воздушная струя,
Но как мелкий мой желанья,
Как, в сущности, ничтожен я!

Вся суть моя в той жизни тленной,
Что угасает столько дней,
Где я пред вечностью мгновенной
Стою в ничтожности своей.